

В.Д. Стариченок

Семантическая деривация и вторичная номинация

Проблемы исследований семантической деривации, вторичной номинации и процессов образования производных ЛСВ занимают важное место в современной лингвистической науке. Вопросы семантических преобразований, которые в настоящее время приобретают все большую актуальность, рассматриваются в многочисленных исследованиях, однако исчерпывающего освещения они так и не получили. Среди ученых нет единого понимания сути семантического словообразования, которое во многих случаях связывают с вопросами разграничения многозначности и омонимии. Одним из первых обратил внимание на семантические преобразования В. В. Виноградов, который выделил лексико-семантический способ словообразования как «переосмысление прежних слов, формирование омонимов путем распада одного слова на два» [Виноградов 1975, с. 156]. Это положение получило дальнейшее развитие в работах, связанных на первом этапе с возможностью или невозможностью сочетания в одном слове нескольких значений [Потебня 1963, с. 15-16, 39; Щерба 1974, с. 290-291; Марков 1981, с. 15-19] и на более поздних этапах – с выделением нового направления, объектом исследования которого является образование ЛСВ на базе уже существующих в языке лексических единиц без изменения их формального облика. То, что в образовании нового слова не принимают участие словообразовательные форманты, является отличительной чертой семантического словообразования. При этом нельзя не заметить, что семантическое словообразование не исчерпывается только детерминационными отношениями между существующими в языке лексическими единицами, а содержит в себе момент их развития и определенных модификаций, в которых отражается инновационная составляющая данного процесса.

Исследователи вторичных номинаций и полисемии не всегда одинаково (а иногда и противоречиво) интерпретируют явление полисемии. До недавнего времени выделялись два направления в изучении полисемантических единиц. Представители первого (а это большинство лингвистов) рассматривали полисемию как величайшее достижение эволюции человечества, необходимое условие для выполнения языком гносеологической (познавательной, эвристической) функции. Адепты второго направления по разным причинам отрицали существование полисемии. Так, А. Потебня считал, что многозначности не существует, а слово может «иметь не более одного значения», охватив этим выводом как факты языка, так и речи [Потебня 1958, с. 15, 39]. Л. Щерба, не признавая асимметричности знака (расхождений между формой и содержанием), отмечает, что в языке «всегда столько слов, сколько данное слово имеет значений» [Щерба 1974, с. 290-291]. К. Аксаков, М. Некрасов, В. Звягинцев сводили все значения многозначных слова к так называемому общему значению (инварианту), способному варьироваться [См. обзор: Васильев

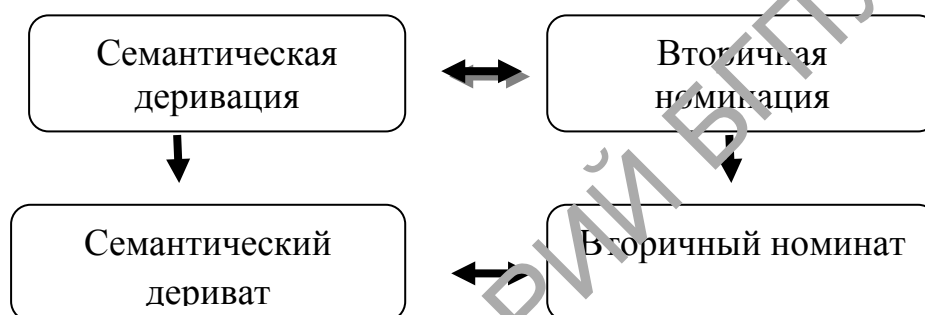
1975, с. 3-6; Серова 1977, с. 8-9; Уфимцева 1962, с. , 85-87]. Эта точка зрения не получил должной поддержки в языкознании и была подвергнута критике.

В лингвистической науке определилось еще одно направление, представители которого, отрицая полисемию, рассматривают отдельные значения как результат словообразовательного процесса ономаσιологического характера [Колесов 1984, с. 56; Данилова 1984, с. 112; Осипов 1984, с. 131-134; Балалыкина 1985, с. 25-48]. «Появление нового значения – это появление нового слова, результат единичного словообразовательного акта», – утверждает В. Марков [Марков 1981, с. 15]. Причем, самостоятельными словами считаются любые ЛСВ независимо от степени их семантической удаленности [Там же, с. 19]. Отдельные авторы эти «самостоятельные слова» (resp. ЛСВ), в отличие от омонимов, предлагали называть омонимоидами [Торопцев 1984, с. 37], усложняя и запутывая тем самым и без того сложную систему лингвотерминологии. Воплотив в практику такое предложение, в современном литературном языке, например, можно было бы насчитать 19 глаголов *стать*, 10 прилагательных *хороший*, 47 предлогов *на*, 7 существительных *место* и др. Безусловно, такая постановка вопроса может иметь место, но то или иное решение этого вопроса вряд ли может принести положительные результаты по причине упрощения сложного языкового механизма, затушевывания его системно-структурных проявлений, сглаживания закономерностей развития слова, обычной замены ЛСВ самостоятельными словами. Одно несомненно: это облегчило бы работу лексикографов и дало бы возможность широкого использования подобных тезаурусов в прикладном языкознании.

В современной лингвистической науке для обозначения процесса семантического образования традиционно используются терминологические сочетания *лексико-семантическая трансформация (транспозиция), семантическая деривация, семантическое словообразование, вторичная номинация, лексико-семантическое производство, полисемия* и многие другие, что в целом подчеркивает отсутствие единого взгляда на исследуемые явления и вызывает необходимость их детального изучения. Термин «семантическая деривация» широко используется в лингвистическом обиходе для обозначения отношений семантической производности, соединяющей между собой различные значения одного слова [См.: Кустова 1998; Розина 2002; Туровский 1994; Шкуропацкая 2003]. Проблемы семантической деривации во многих случаях рассматриваются в рамках изучения словообразования, лексико-семантической вариативности, смысловой структуры слова, полисемии и семантики вообще.

При семантической деривации происходит изменение содержательной части уже существующего в языке слова, соотносимого с другими фрагментами действительности. Создание нового ЛСВ осуществляется путем переосмысления семантики исходной единицы и выстраивания определенных смысловых отношений между исходным и производным ЛСВ. «Семантическая деривация – это процесс появления у слова семантически производных значений, созначений, семантических коннотаций, т.е. процесс

расширения семантического объема слова, приводящего к появлению семантического синкретизма», а впоследствии и процесс распада семантического синкретизма, который приводит к появлению полисемии, – пишет И. М. Некипелова [Некипелова 2011, с. 36]. Семантическую деривацию, таким образом, можно определить как тип вторичной номинации, суть которой заключается в использовании фонетического облика (материальной оболочки) уже существующего слова в качестве имени для нового содержания, нового фрагмента действительности. Вторичные ЛСВ не просто называют определенный фрагмент действительности, а формулируют о нем представление, концептуализируют его в человеческом сознании. Это новое видение предмета, актуализация его отдельных качеств и свойств, видоизменение впечатлений о предмете. Соотношение семантической деривации и вторичной номинации условно можно продемонстрировать в виде схемы 1.1.1:

Схема 1.1.1 - Соотношение семантической деривации и вторичной номинации

Семантические дериваты и вторичные номинаты по сути являются синонимичными выражениями, которые можно заменить общим, более широким по семантике терминологическим сочетанием *вторичные ЛСВ*. И первичные, и вторичные ЛСВ образуют смысловую структуру слова, в которой путем объединения нескольких понятийных сфер реализуются потенциальные возможности слова, проецируются направления структурирования сферы-источника. В смысловой структуре слова представлены результаты различных семантических трансформаций, идентификаций, видоизменений, где в качестве универсальных способов семантического переосмысления чаще всего выступают метафоры, метонимии и синекдохи.